

К Р О К О Д И Л

№ 48 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

К 556/43г

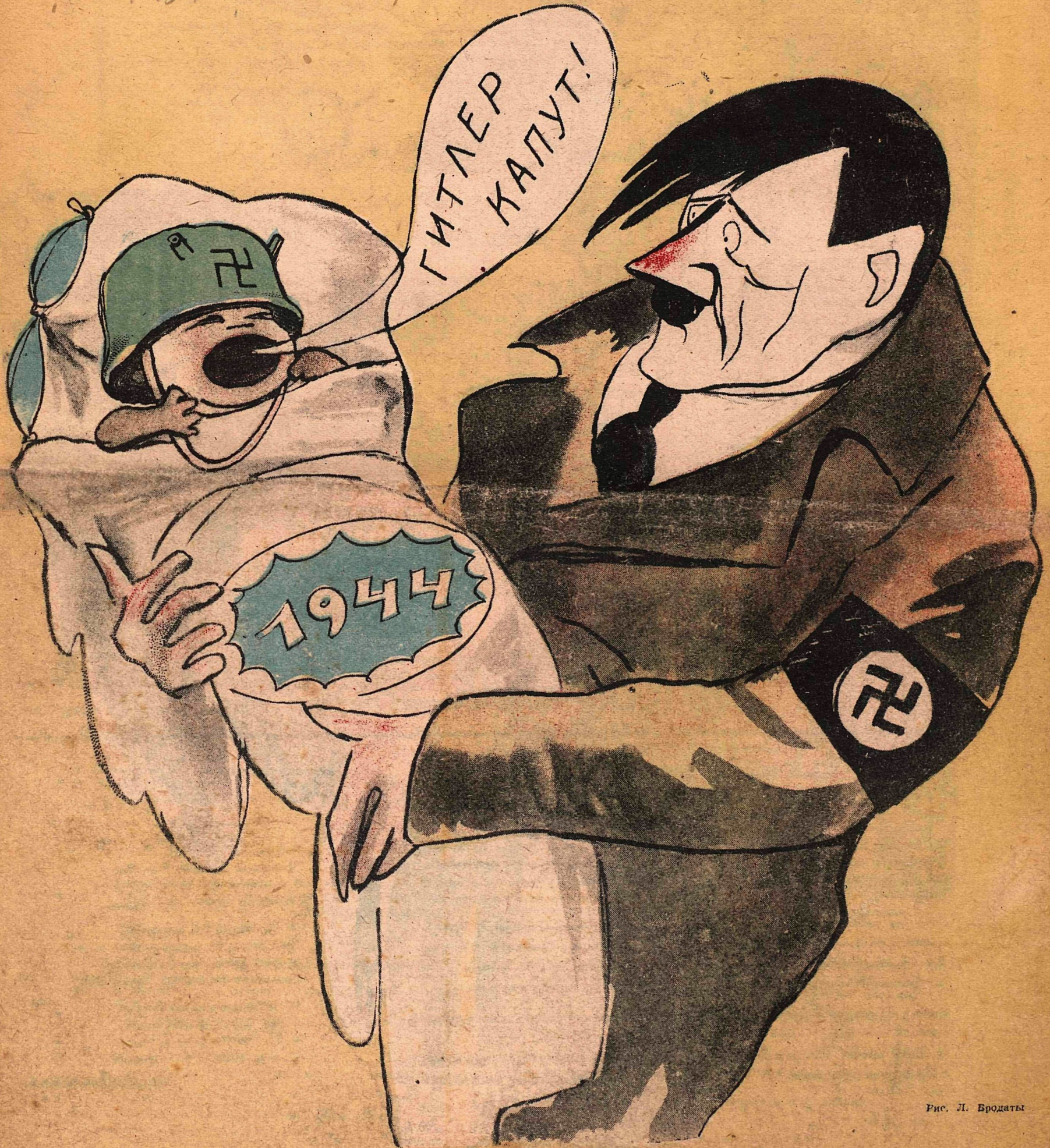
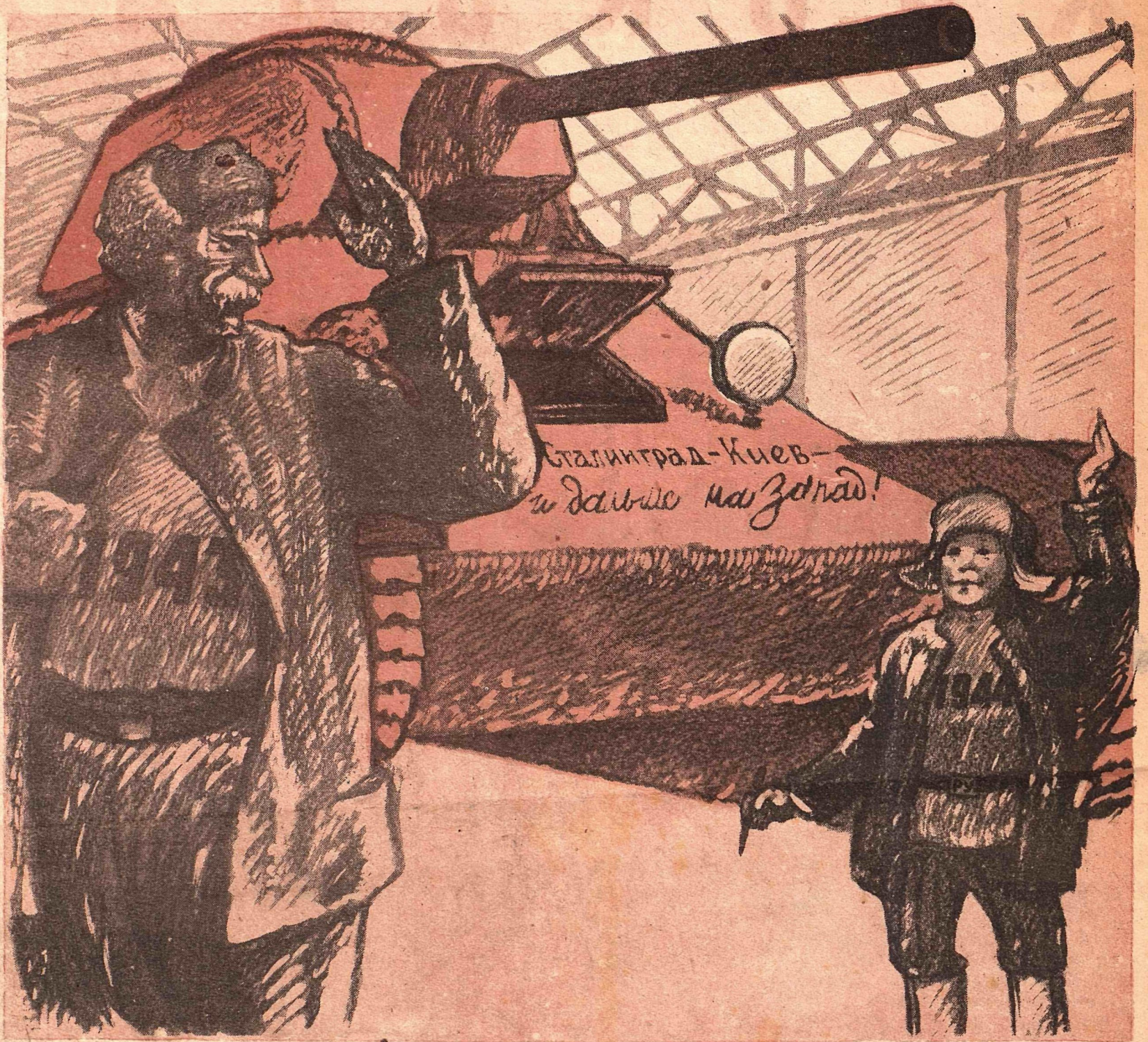

Рис. Л. Бродаты

— Проклятый ребёнок! Не успел родиться, как уже разговаривает!..

Новогодняя смена.

Прощай, 43-й! ✓

Ну, что же, годок Сорок Третий,
Окончилась вахта твоя!..
Заслуги твои мы отметим,
Представим к награде тебя.

Запомнят тебя наши люди
И номер не спутают твой—
При первом победном салюте
Ты был на часах под Москвой!

Старик, ты достоин награды,
Высокой, как гордый Казбек,—
Ты славу пронёс Сталинграда,
Себя обессмертив навек.

Свой срок отслужил ты со славой,
Она, брат, в веках прозвонит—
Днепровской одной переправой
Ты стал навсегда знаменит!

А Харьков, Полтава? А Киев?
А Гомель, Смоленск? А Кавказ?
Дела-то, дела-то какие!..
Ты прямо гвардеец у нас!

Твой шаг, и победный и твёрдый,
И хватку твою изучил
Суворовец — Сорок Четвёртый,
Кому ты маршрут свой вручил.

Так что же? Откроем посылки,
Пославших добром помянём,
В землянке при свете коптилки
Походные кружки сомкнём...

Итак, Новый год наступает,
Свой отзыв он даст и пароль.
Друзья! Пусть никто не зеваёт...
Вниманье—двенадцать ноль-ноль!

На миг прекратилась беседа,
Исчез Сорок Третий седой...
— За Сталина и за победу!—
Сказал Новый год молодой.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

НАД КАРТАМИ

«Ведь карты правду говорят.
Да, правду, правду, говорят».
Беравже.

1941 ГОД

Войска фашистов наступали
Ордою дикой на Союз...
Гадалки фюреру гадали:

«Победа!.. Вот бубновый туз!»
Да! Тут не может быть ошибки,
Расклад и масть успех сулят...

На лице фюрера улыбка:
Ведь карты правду говорят,
Да, правду, правду говорят!

1943 ГОД

Идут победоносным маршем
Войска советские вперед...
Над картою склонился маршал,

А вместе с ним — и весь народ:
Вот фронта линия кривая,
Отбитых пунктов длинный ряд...

Сомнения нет: мы побеждаем,
Ведь карты правду говорят,
Да, правду, правду говорят!

Ирина ПЕТРОВА

Визитёры

ПУЗАТЫЙ задумчиво спросил:

— Знаешь ли ты, что такое шпана?

— Субъект, смахивающий на сутенёра, с живостью ответил:

— О, конечно!

Геринг продолжал:

— Она тут, у тебя, в передней, вся шпана. Она горит желанием поздравить тебя.

Гитлер вскочил, как ошпаренный:

— Гнать в шею! С чем это они будут меня поздравлять?

— Так заведено: Новый год.

— Ты что, Геринг, издеваешься?

— Успокойся, Адольф! Я с ними прорепетировал. Всё будет прилично. Я отвечаю готовой, если хоть одна бомба... Тыфу! Проклятая привычка! Я хотел сказать, если хоть один грубый намёк...

Гитлер подошёл к буфету, выпил, не закусывая, стопку валерьянки, крякнул и сказал:

— Хорошо. Зови. Чорт с ними!

Геринг подошёл к двери и крикнул в переднюю:

— Эй, вы! Валяйте! По одному! Кто первый?

— По алфавиту — я! — засуетился Антонеску.

— По алфавиту будут вешать, — деловито заметил Хорти.

— Не шуметь! — зашипел Геринг. — Входите в порядке живой очереди. Шагай, Пьер!

Сопнувшись в трижды три погребели, в кабинет Гитлера вбежал господин, чья фамилия одинаково читается как справа налево, так и слева направо: и так подлец и этак подлец.

Лаваль торжественно произнёс:

— О, мой фюрер! Я очастлив поздравить вашу милость с победоносным вступлением в Варшаву. Но особенно вы показали себя как великий полководец, покорив Францию. Какие чудесные клещи!

— Хватит! Катись! — шепнул ему Геринг.

Следующим вбежал, оставляя за собой на ковре песочный след, запыхавшийся Маннергейм:

— Хейль, Гитлер! Поздравляю от всей души с завоеванием Бельгии, Люксембурга, Эльзас-Лотарингии...

— Довольно, старый хрен! — шепнул Геринг. — Оставь что-нибудь и для других... Иди на кухню, там тебя чем-нибудь накормят.

— С Голландией поздравляю! — Антонеску отвесил штук пять поклонов. — Ах, какая победа! В одну ночь!

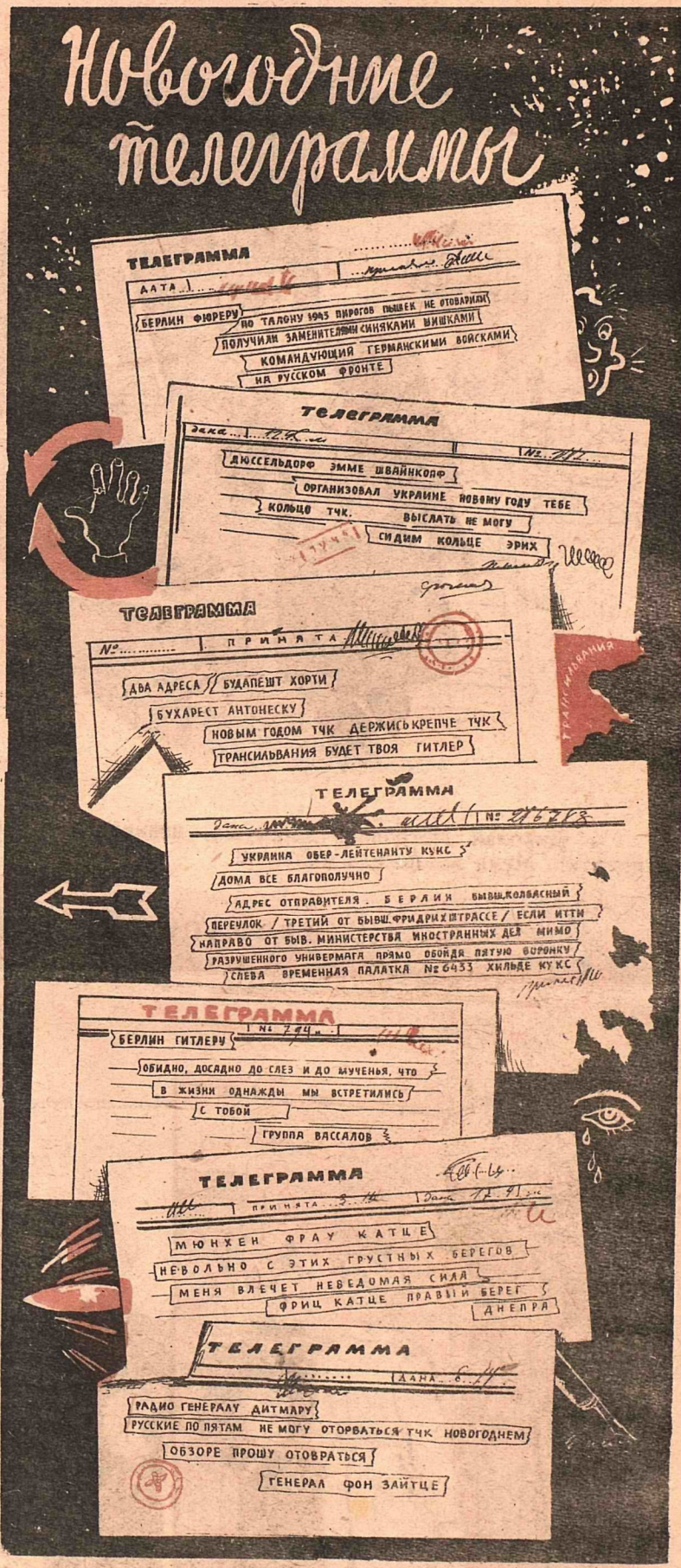
Геринг дернул его за рукав:

— Иона, не размусоливай... Следующий!

— Я счастлив, — начал Хорти, — поздравить вас, фюрер... с этим самым... с Голландией.

Геринг дал ему пинка:

— Про Голландию, дурак, уже говорили. Давай Данию.

— С Данией, с Данией поздравляю! Какой ловкий стратегический...
— Следующий! — прервал его Геринг.
Бодрым шагом вошёл Павелич. На лице его было написано страстное желание угодить своему господину и заслужить похвалу.
— Фюрер! — сказал он громко и отчётливо. — От всей души! От всего сердца! Ваш поход на Восток, в Россию...
— Что?! — взвизнул Гитлер и, упав на пол, начал биться в очередной истерике.
Геринг всей своей тушей навалился на незадачливого визитёра:
— Идиот хорватский, что ты наделал же вас все. учил: ни слова о России, ни звука о 1942 и 1943 годах. Я же с вами репетировал...
— Виноват! — простонал Павелич — Я не знал. У меня был грипп, температура, насморк. Я пропустил последнюю репетицию...

Г. РЫКЛИН

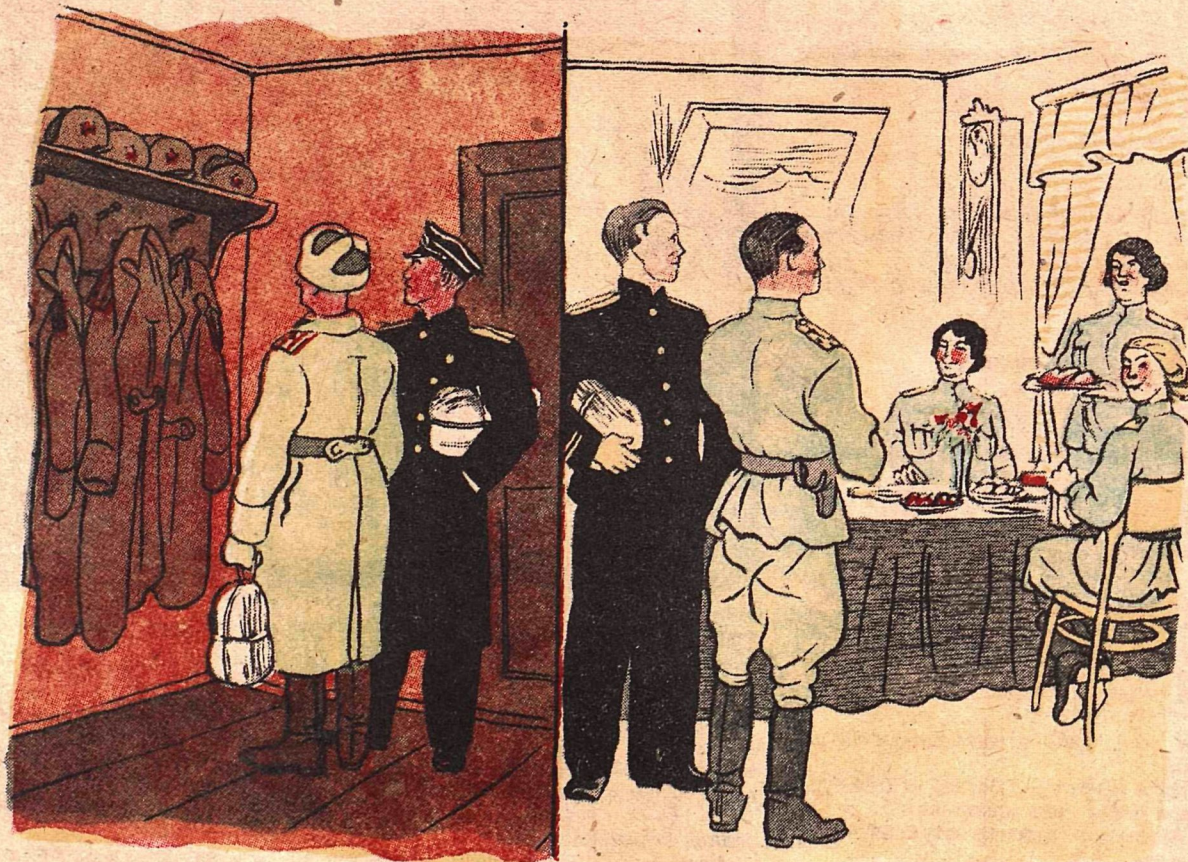
Рис. Бор. Ефимова

— Николай Петрович, дорогуша, извините, не смогу прийти!.. Меня задержала милиция!

НАПРАСНЫЙ ИСПУГ

Рис. Н. Семёнова

Куда ты меня завёл, Вася? Скука будет: одни мужчины...

ПЕРВЫЙ рогный гармонист Шлыкос отложил гармонь и обратился к своему Пономарёву:

— Слышь-ка, Пономарёв, годы у тебя солидные — и всё ты знать жён. Так вот, скажи: что, к примеру, сейчас делается у немцев в Берлине. Как они там Новый год встречают? Предоставь нам полную картину...

Пономарёв задумался, и в глазах его заиграли искорки смеха:

— Ладно. Расскажу. Так, значит... Сидит это сейчас, к примеру, Гитлер у себя в Берлине, и настроение у его, прямо сказать, ноль с минусом. Вызывает это он к себе Геббельса. Приходит к нему Геббельс, а у сам морда словно с перепоею, пухлая. Ну, входит, здоровается, конечно. «Хайль говорит. — Разрши, — говорит, — тебя поздравить с наступающим!» А Гитлер ему сердито: «Ты что же, — говорит, — паразит, меня с наступающим поздравляешь? Это кто же наступает? Это, — говорит, — русские наступают, а хромой чорт, радуешься! И поздравление шлешь!.. Зови, — говорит, — сей же, немедленно Риббентропа! Охота мне с ним поговорить, чего он там думает. Ну, чего стоишь? Иди!» А Геббельс стоит на месте, и идти ему, ну вроде неохота. «Знаешь, — говорит, — фюрер, ты его лучше сейчас не зови. У него настроение не лучше моего. У него, — говорит, — тут давеча дом бомбой порвало, он всё копается, барахло своё разыскивает». «Всё равно, — говорит, — зови!» Да. Ну, ушёл это Геббельс и назад с Риббентропом ходит. Приходит это Риббентроп, а на нём мундир спалённый, штаны обрелье и из-под них споднее выглядывает. Гитлер глянул на него и говорит: «Что ж ты, — говорит, — министр, тут, — говорит, — всё государство немцев под угрозой состоит, а ты в своём барахле копаешься!.. Если ты, — говорит, — вином и водкой спекулировал и нажился, то ты не воображай, — говорит, — А то, — говорит, — я тебя сейчас вполне свободно с твоего высокого постыму!» Ну, Риббентроп стоит, конечно, молчит. Воды в рот набрал. Гитлер его спрашивает: «Давай, — говорит, — докладай, какие у нас в отступающем Новом году? Откуда нам чего ждать?..» Ну, конечно, Риббентроп, раз его спрашивают, отвечает. «Вы, — говорит, — фюрер, на меня не читайте, только нам, — говорит, — ничего такого особо хорошего ждать не ходится. Выходит нам форменная труба!» Гитлер говорит: «Это почему именно так получается?» «Потому, — говорит, — русские сильно напирают. Это — раз... Потом эта... Ну, одним словом, ну эта...» «Это кто ж такая эта? Ты, — говорит, — на что намекаешь? А?..» Тут Риббентроп возьми и скажи: «А это, — говорит, — декларация, — говорит, — трёх держав...» Тут Гитлер

ВСЕ П

Мы не могли не
Уэнзв, что снайп
Всего лишь трёх
Как это может б

Свой старый счёт
В сорок четвёрто
Он этих фрицев у
Сегодня, в ночь

С Ю

НОВЫЙ год пришёл в квартиру к Иоганну Думмеркопфу. Его не встретили. Гости не было, вина не было. Старые Думмеркопфы лежали на своей двуспальной кровати и добросовестно старались уснуть.

Новый год всё же решил откомендоваться. Он постучал двенадцать раз и сказал:

— Я Новый...

Думмеркопф задрожал под одеялом:

— Неужели новый закон о «тальной мобилизации»?!

— Ах, нет, — сказал Новый год. — Я просто Новый...

— Новый вариант эластичной обороны? Тогда извините, сплю! — и Думмеркопф вывел горлом рокочущее хррр.

— Майн готт! Послушайте же меня! Я Новый...

Думмеркопф опасно высунул нос наружу:

— Неужели новый анекдот фюрере? Тогда сгинь, пропади рассыпья! Я тебя не видел и не слышал! А впрочем... — злорадно любопытство, кажется, взял

как вскочит, усы набок, табуретку хватает и — хлоп Риббентропу по котелку. Тот — «А-ах!» — и лёг, будь здоров, не скучай!.. Геббельс к нему склонился и шепчет: «Что ж ты, Риббентроп, рыба голова, ему про декларацию-то брякнул? Нам, — говорит, — эта декларация — нож вострый. Это, — говорит, — нам тегерана в самое сердце!» А Риббентроп лежит и ничего такого не отвечает. Плюнул на его Гитлер и говорит Геббельсу: «Иди, — говорит, — хромой чорт, призови сюда генерала по фамилии Дитмар». Это у них такой генерал имеется, по радио на весь мир брешет. Приходит Геббельс генерала. Гитлер ему и говорит: «Иди, — говорит, — Дитмар, туды, откуда по радио говорят, и поздравь, — говорит, — немцев с Новым годом и посули, — говорит, — им кой-чего хорошего. В общем, чего-нибудь там сбреши!» А генерал Дитмар говорит: «Ладно, — говорит, — это дело привычное. только, — говорит, — это бы лучше вам самим, всё же, как говорится, авторитету больше». А Гитлер ему говорит: «Не могу я выступление делать по радио, у меня, — говорит, — голова трещит ото всех от вас. В крайнем случае, — говорит, — найди Геринга, этого возьми, хромого, и втроём там чего-нибудь наговорите». Тогда Дитмар говорит: «Ладно, мы уж лучше на пару с Геббельсом, а то Геринг сильно занятый». «Чем же этот боров так занятый?» «А он, скорее всего дома сидит, деньги считает». «Ну, ладно, — говорит Гитлер, — ну вас обоих, надоели! В общем, скажите там кое-чего — и ладно!» Ушли эти двое брехать, а тут вдруг Риббентроп очухался и обратно кинулся своё барахло разыскивать. Гитлер один остался. А тут в это время часы-то бум-бум, двенадцать ударов отсчитали. Так вот к им Новый год и пришёл. Всё. Весь рассказ.

Копылов, улыбающийся на протяжении всего рассказа, одобрительно сказал: — Замечательно рассказал. Наглядно. Будто сам там был!
 Пономарёв усмехнулся:
 — Ежели б я там был, не то бы было!
 — А чего б там было?
 — А я бы их там всех поклат в вот из этого автомата «пе-пе-де». И весь бы народ во всём мире сказал бы: «Спасибо, товарищ Пономарёв, за то, что вы этих гадов прикончили и человечеству, в общем, всем нациям такое громадное одолжение сделали!»
 — А ты б чего сказал?
 — А я бы сказал: «Ничего. Не стоит благодарности. Дело ясное. В общем, воинский долг!..». Всё. У кого закурить имеется?

Борис ЛАСКИН

Елку привезли!

П РА В И Л Ь Н О

КАЖДОМУ — СВОЕ

Рис. К. Елисеева

удивиться.
 ар Клим Бурлак
 угробил фрицев.
 ыть?
 так:
 он подытожил.
 м — новый счёт.
 уничтожил
 на Новый год.

Н. А.

П Р И З

верх. — Поди-ка сюда, детка, и расскажи мне, но только на ухо, тихо-тихо...

— Я не знаю пока никаких анекдотов! Я Новый, 1944-й год! — наконец-то удалось выпалить 1944-му.

— Ах вот как! — приободрился старый Думмеркопф, который уже разгулялся и не хотел больше спать. — Тогда, битте, идите сюда, устраивайтесь между мной и фрау Матильдой. Раз вы действительно совершенно новый, так уж тогда я вам расскажу все старые анекдоты о фюрере за 1943-й год. Надо, чтобы вы были в курсе дела!

Они прошептались до утра, фыркая в подушки, а наутро старого Думмеркопфа увезли в гестапо.

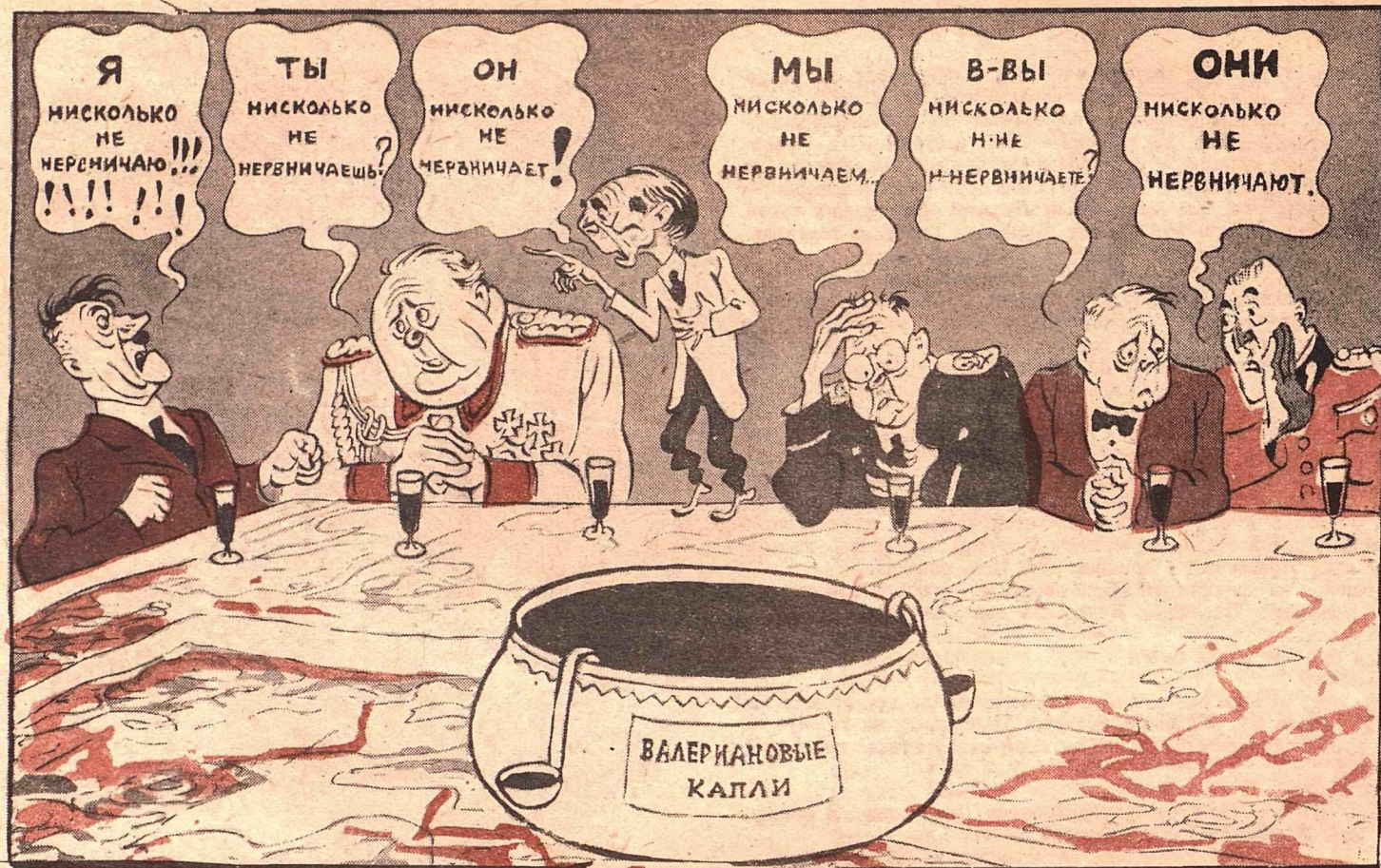
Фрау Думмеркопф ломала руки: — Вот вам и 1944-й! Кто бы это мог от него ожидать!

Но, имейте в виду, это — не всё. Год едва начался. Впереди ещё не мало неприятных сюрпризов.

В. КАРБОВСКАЯ

— Вот, ребятки, вам подарки!.. Только мешок и верёвку обязательно верните: я их для немцев припас.

Весёлый разговор под Новый год.

Деревянная лошадка

СВОИ наблюдательный пункт артиллеристы установили на верхнем этаже жилого дома в предместье города. Хозяева покинули Ленинград два года назад. О былом уюте этих просторных, светлых комнат напоминали ковровая отоманка, пузатый буфет карельской берёзы и деревянная лошадка, стоящая в углу. Вид у лошадки был очень грустный: золотая уздечка выцвела, бахрома вокруг бархатного седла оборвалась, а вместо хвоста уныло торчал пучок свалывшихся волос.

Неказистый конь, однако, понравился ефрейтору Петру Шубину, человеку огромного роста, добродушному и спокойному.

— Славный конь, как живой: очи-то какие чёрные, грива-то какая кудрявая!.. — восхищался он лошадкой и ежедневно заботливо стирал с неё пыль. Ефрейтор зорко приглядывал за тем, чтобы, упаси боже, игрушку не употребили на растопку буржуйки.

— Не трогай коня, слышь? — говорил Шубин посягнувшему на его любимца. — Ясно или разъяснить? — он отбирал лошадку и ставил её на своё место, в дальнем углу.

Чаще других на лошадку посягал старшина Никита Рябов. Не взлюбил он её сразу и находил тысячи причин, почему её надо сжечь: в темноте на неё можно наткнуться и сломать себе шею, место она тоже зря занимает, потом — пыль разводит. А главное — старшина считал, что лошадка портит вид: и без того на наблюдательном пункте много посторонних, домашних вещей, а тут ещё конь без хвоста...

— Не порядок! — ворчал старшина. — И чего тебе, Шубин, эта лошадь далась? Плюнь ты на неё.

— Нельзя, — отвечал Шубин. — У коня хозяин есть.

— Хозяин, хозяин! — сердился старшина. — Мало ли у чего были хозяева, а не пощадила война: сколько домов погорело, сколько скота побито! А тут игрушки, мелочь...

— Вернётся хозяин в квартиру и обрадует-

ся: конь-то цел, уберегли коня. А теперь уж скоро вернётся, — твердил своё Шубин.

В квартиру часто заходила Вера Ильинична — управдом. Она работала тут ещё до войны, знала всех жильцов, берегла их квартиры.

Как-то в свой очередной обход она долго высматривала что-то и, обнаружив в углу деревянную лошадку, облегчённо вздохнула:

— Цела, вот хорошо-то!

— Да за ней Шубин глядит лучше всякого конюха, — отозвался старшина.

ОСНОВНАЯ ДЕТАЛЬ

Рис. В. Клишча

— Дедушка, что ты делаешь?

— Елку для Гитлера.

— А где же ёлка?

— Елки не будет.

— Спасибо вам за это, — сказала Шубину Вера Ильинична. — Я от хозяина письмо получила, очень он о лошадке беспокоится.

И прочла вслух письмо:

«Дорогая тётя управдом, вы маме написали, что квартира цела, про всё написали: про буфет, про отоманку и про стёкла. А вот о лошадке моей вы ничего не написали. Вы, наверное, не знаете, как её звать? Её звать Маузер, у товарища Ворошилова коня тоже звали Маузер. Напишите мне про моего коня, я очень по нём скучаю, хотя уже кожу в школу. Если конь цел, то заплетите ему хвост: он у него длинный и мешает ему скакать. Мы с мамой скоро приедем в Ленинград. Ваш жилец Миша.»

— Какой хлопец занятый! — сказал старшина. — Про коня не забыл, поди ж ты!..

Вечером Шубин вытащил лошадку на свет и стал её рассматривать. Подошёл старшина:

— Малец-то просит коню хвост заплести, а хвост крысы сгрызли...

— Из чего бы ему новый хвост сделать? — размышлял вслух Шубин.

— А можно у нашей обозной лошади волос признать, у неё хвост густой, — предложил старшина.

В тот же вечер наладили коню новый хвост, маленькими гвоздями прибили вокруг седла бахрому и написали Мише письмо:

«О коне не тревожься, за ним добрый уход, приглядываем, как за своим. Ты, паренёк, скоро вернёшься домой, но нас тут уже не застанешь, мы пойдём вперёд гнать немцев...»

Ночью Шубин проснулся от толчка: спавший с ним рядом старшина поднялся и направился в угол, где стояла деревянная лошадка. В комнате топились буржуйка. Заподозрив плохое, Шубин окликнул Рябова:

— Ты что, старшина? Опять за своё?

Старшина даже обиделся:

— Вот, дурной! Да я вспомнил, что мы хвост забыли заплести, а малец-то просил...

Д. РУДНЕВ

Ленинград.

НОВОГОДНИЕ ЗАПИСИ

«1 января 1940 года. Хайль! Германия уже 4 месяца как воюет. Фюрер открыл новую страницу в истории Германии. Высшая раса завоевывает жизненное пространство! И, главное, почти без потерь!»

Грандиозные события—и без меня. Я, Фриц Дранке, не у дел.

— Хромой чорт, ты сиди дома! — сказали мне.

1 января 1941 года. В сочельник была такая потеха: к нам приходили дядя Вилли и тётя Милли. Они изображали англичан, которые пугаются наших самолётов. Чего они только не вытворяли! Они рвали на себе волосы, катались по полу, залезали под стол, ползали на четвереньках, визжали, как поросята. И, наконец, тётя Милли упала на пол, раскорячив ноги. Это была заключительная сцена: англичанка, убитая осколком нашей бомбы. А дядя Вилли стоял над бездыханным трупом своей леди и безутешно плакал. Мы буквально кагались по полу от безумного смеха! Какая весёлая война! Сегодня я сказал нашему молодёжному руководителю господину Швинделью, что хочу шагнуть в ногу с нашими храбрцами! А он мне в ответ:

— Куда тебе шагать в ногу, ведь ты же хромой!

1 января 1942 года. Несмотря на приказ фюрера война в этом году почему-то не кончилась. Должно быть, фюрер передумал: вместо того чтобы закончить войну, он решил начать ещё две войны: с Россией и Америкой. Вот это я понимаю: это будет жизненное пространство! А после России и Америки завоевать остатки земного шара будет сухой пустяк.

1 января 1943 года. Война в России затягивается. Сегодня господин Швиндель очень подозрительно на меня посмотрел: почему я не на фронте? «Но ведь вы хорошо знаете, господин Швиндель, — возразил я, — что у меня одна нога на пять сантиметров короче другой». «Ничего, — говорит он, — зато у тебя другая нога на пять сантиметров длиннее...»

1 января 1944 года. Швиндель поставил-таки на своём. И какими бесчувственными скотами оказались наши врачи: никакого внимания на мои ноги! Одного еле уговорил измерить мои ноги. Что же, вы думаете, он проделал? Одну ногу измерил, а другую ни за что не хотел. И обозвал меня симулянтом. Когда я стал ему доказывать, что я от рождения хромой, он сказал:

— Тем хуже, значит, вы от рождения симулянт!

Одного я-таки добился: зачислили в обоз. А разве в обозе легко? Ведь это же Россия! Я одно знаю: здесь летом тяжелее, чем зимой, а зимой тяжелее, чем летом.

Сегодня меня вызвал фельдфебель. «Получил, — заявил он мне, — приказание отправить половину взвода на передовую линию. Завтра пойдёшь». «Но как же, — взмолился я, — господин фельдфебель? Вы отлично знаете, что у меня левая нога на пять сантиметров короче». «Пустые разговоры, — отвечает он мне, — я тебе дам на пару Ганса, у него правая нога короче. А там вы уже сами распределяйте свои ноги».

Подумать только, сколько несчастий валится на одного человека! Пришло печальное сообщение о кончине дорогой тётюшки Милли. Стучилось это в ту ночь, когда налетели «томми». Не успели ещё они сбросить бомбы, как тётюшка Милли протянула ноги от страха. А дядя Вилли, говорят, так безутешно плакал над трупом своей бездыханной Милли...»

На этом дневник Фрица Дранке обрывается.

Я. МИРОВ

СУВОРОВЕЦ И ШТАТСКИЕ

Рис. М. Черемных

Рассказ бывалого солдата.

ЗОНДЕРКОМАНДЫ

Во время допроса разбойничьей банды
 Не раз мы слышали в суде
 О штурмгруппенфюрерах зондеркоманды
 СА, и СС, и СД.

Что значат слова эти нечеловечьи —
 Фашистский жаргон или бред?
 Но все они значат одно в просторечьи,
 И это одно: «людоед».

Однако у Гитлера в мрачном застенке
 Не все людоеды равны —
 У них есть различные формы, оттенки,
 Особые ранги, чины.

Один людоед в металлическом шлеме,
 С орлом на тупой голове.
 Другой людоед с черепами в эмблеме,
 На шапке и рукаве.

А есть среди них мастера людоедства,
 Каких не видал ещё свет.
 От совести Гитлер избавил их с детства,
 От чести — с младенческих лет.

Они, как о самом обычном поступке,
 Без ужаса нам говорят,
 Как женщин грузили они в душегубки,
 А следом швыряли ребят.

О том, как спокойно вели они к яме
 Невинных людей на расстрел.
 А после расстрела топтали ногами
 Клубок окровавленных тел.

Все те, кто убиты, пропали без вести,
 Зарыты неведомо где.
 Но все они вместе, взывая о мести,
 Прошли перед нами в суде.
С. МАРШАК

НЕМЕЦКАЯ СКАЗКА

— Спи, Фрицхен, спи.
 — Расскажи мне сказку, мама!
 — Хорошо. Слушай. Южнее Невеля все атаки русских отбиты...
 — Ты чего плачешь, мама?
 — Очень грустная сказка, Фрицхен.

 — Перестань плакать, Ганс. Спи.
 — Расскажи мне сказку, мама!
 — Хорошо. Слушай. Южнее Невеля все атаки русских...
 — Отбиты?
 — Да, Ганс. Ты чего смеешься?
 — Очень глупая сказка, мама!

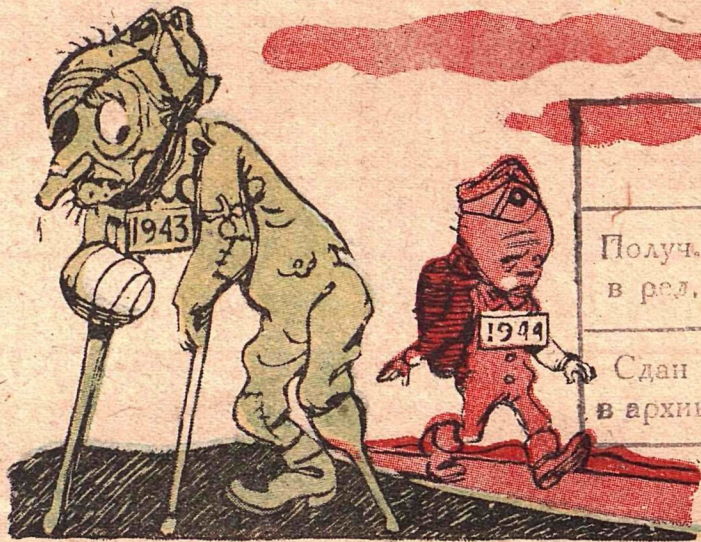
 — Спи, Михель, спи и молчи.
 — Расскажи мне сказку, Геббельс!
 — Хорошо. Слушай. Южнее Невеля...
 — Знаю, Геббельс, знаю. Но это же для детей. А я взрослый.
 — Не капризничай, Михель. Другого у меня ничего нет. А ты обязан слушать. И так, южнее Невеля все атаки... Заснул! А может, притворяется?

 — Проснись, Карл, проснись поскорей!
 — А? Что случилось, Минна?
 — Ты ругал фюрера во сне... Есть новость, Карл. Только что передавали по радио, что южнее Невеля...
 — Не продолжай! Я хочу ещё спать. Мне необходимо досмотреть сон.
А. Б. В.

С

ПРАЗДНИЧКОМ!...

Рис. Ю. Гаффа

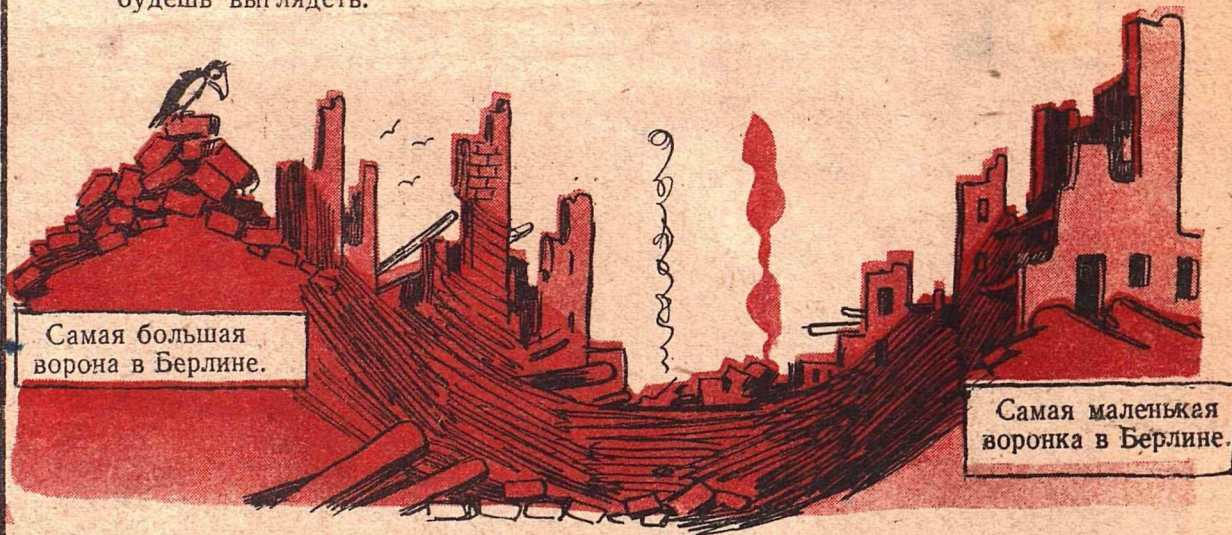

АНТОНЕСКУ: — Нет, мы не за ёлкой. Нам срочно кустик требуется.

Получ. в ред.	
Сдан в архив	12/1944

В ГЕРМАНИИ

1944-й: — Ну, и отделали тебя, старик!
 1943-й: — Иди, иди!.. Посмотрим, как ты будешь выглядеть.

— Откуда вы так стремительно бежите?
 — Из Городка. Мы спешили поздравить вас с Новым годом, господин генерал.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются. Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 руб. 60 коп. в месяц. Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва, Изд. № 869. Подп. к печати 27/ХІІ 1943 г. Статформат 72×106 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000. А3848. Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3327. Тираж 100 000 экз.